

сарациновъ. Походъ отчасти удался; но крайней мѣрѣ, сарацины на нѣсколько лѣтъ притихли. Въ 924 году Беренгаръ умеръ; послѣ его смерти и въ Римѣ, и въ остальной Италіи съ удвоенной силою продолжается дикая оргія страстей, постоянныя войны и междоусобицы. „Въ Италіи того времени ученіе и заповѣди религіи лишились значенія, нравы—чистоты и пороки—стѣда: если бы добродѣтели и религія не лежали внѣ круга тѣхъ предметовъ, которые могутъ увячтожить человѣка, то они совершенно исчезли бы тогда въ Италіи“. Дѣйствительно, итальянскія хроники того времени передаютъ почти трудно вообразимое: тутъ и послышанный развратъ, героями котораго являются высшія свѣтскія и духовныя лица; тутъ и кровожадность, доходящая до поруганія вадъ выкопаннымъ изъ земли труномъ соперника-напы. Къ сожалѣнію, лѣтописцы этой эпохи много останавливаются на скандальной хроникѣ Рима и слишкомъ мало на общемъ положеніи населенія Апеннинскаго полуострова; впрочемъ, его легко можно себѣ представить. Въ X столѣтіи на ряду съ продолжавшимися западными сарациновъ, усиливаются и хищническія набѣги норманновъ. Эти вѣщныя бѣды въ соединеніи съ внутренними оставляли зачастую крестьянамъ и даже горожанамъ одинъ выходъ—идти въ разбойничьи шайки. Непудрено, что разбойничьи населенія принимаютъ въ это время размѣры цѣлыхъ государственныхъ союзовъ. Вскорѣ послѣ смерти Беренгара, приблизительно въ 926 году, королемъ итальянскимъ всякими правдами и неправдами сдѣлался Гуговь, владѣтель южной Бургундіи; провелъ свой вѣкъ въ борьбѣ съ претендентами и изгнавши самаго опаснаго изъ нихъ—знука Беренгара I, герцога иврейскаго Беренгара II, Гуговь умеръ, оставивши итальянскій престолъ своему сыну Лотарю. Когда Лотаръ умеръ (въ 950 г.), итальянскій престолъ захватилъ въ свои руки вернувшійся изъ изгнанія Беренгаръ II. Онъ очень желалъ породниться какъ-нибудь со вдовою Лотаря Адельгейдою, чтобы умиротворить наиболѣе опасную соперницу. Но когда проектъ женить на ней сына ему не удался, новый король захватилъ въ свои руки Адельгейду и заключилъ ее въ темницу, гдѣ, какъ передаютъ нѣкоторые лѣтописцы, ее мучили, пока она не убѣжала къ одному своему приверженцу въ его замокъ Калоссу